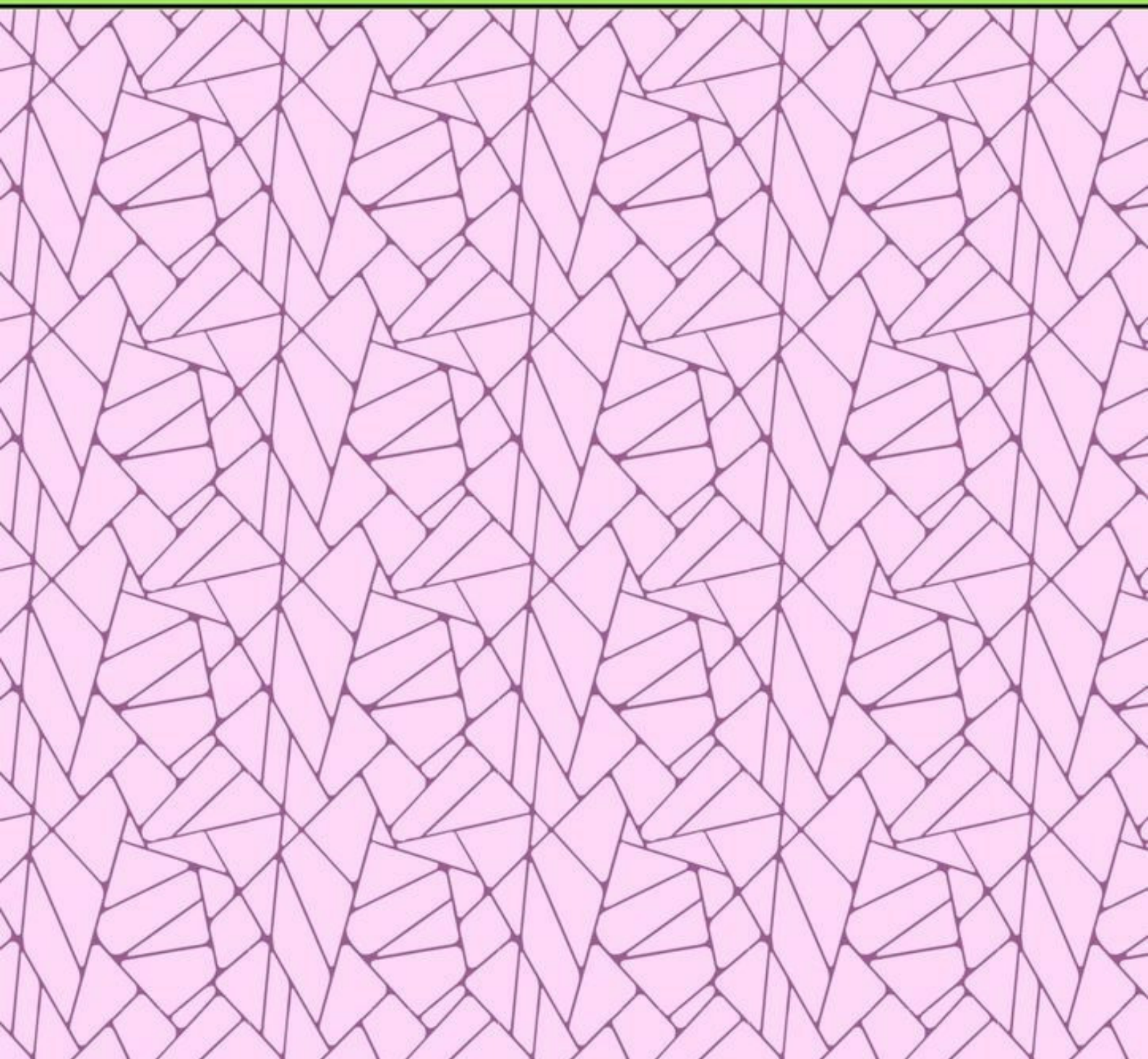

18+

Ольга Будяк

Свет

Ольга Будяк

Свет

«Издательские решения»

Будяк О.

Свет / О. Будяк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987884-7

Жизнь преподносит нам сюрпризы. В день совершеннолетия Светлана получает старое письмо, которое меняет её планы и заставляет взглянуть на себя по-новому.

ISBN 978-5-44-987884-7

© Будяк О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	9
Глава 5	12
Глава 6	13
Глава 7	14
Глава 8	16
Глава 9	18
Глава 10	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Свет

Ольга Будяк

© Ольга Будяк, 2020

ISBN 978-5-4498-7884-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

2017

Свет

12.01.2017

Эпилог

Никто не знает, что готовит ему грядущий день. Пройдет он размеренно и спокойно или в нашу жизнь ворвется нечто, способное нанести сокрушительный удар по нашим мечтам, планам, иллюзиям? Сможем ли мы устоять? А устояв, и собрав все силы дать отпор?

Глава 1

Я открыла глаза и прищурилась. Сквозь темно-синие плотные портьеры пробивался яркий солнечный свет. А в Питере по другому и нельзя, иначе во время «белых» ночей спать совершенно невозможно. Как здорово, что я живу в этом замечательном городе, таком красивом и романтичном!

Вставать не хотелось, но сегодня был особенный день, день моего Рождения! 18 лет это не так просто, это – как рубеж, отделяющий беззаботное детство от еще пока неизвестного, но ответственного отрезка последующей взрослой жизни.

Я прислушалась. На кухне мама гремела посудой и о чем-то полушепотом переговаривалась с папой. Мне не терпелось узнать, что же мои родные приготовили мне в подарок. Они, конечно, знали о чем я мечтаю, и я надеялась, что они учтут мои пожелания.

Накинув халат и тапочки, я распахнула шторы. Комната наполнилась солнечным светом, освещая все вокруг и наполняя мир яркими красками. Настроение было прекрасным, а как иначе?

– Светка, засоня! Я уж боялся, что не чмокну тебя перед уходом на самый ответственный экзамен! – и мой старший брат Пашка крепко обнял меня и поцеловал в щеку.

– С днем рождения, сестренка! Помолись за меня! – попросил он, и хлопнув дверью, умчался в университет, где учился на журфаке.

Из кухни вышли родители, и не дав мне умыться, заключили в свои объятия. Мне было очень приятно, и я знала, что в этот день меня ждет какой-то сюрприз.

– С добрым утром доченька! И с днем Рождения! – поздравила меня мама и я увидела, как на ее глазах заблестели слезы.

– Ты у нас уже совсем взрослая, – подключился отец, – и мы очень рады, что ты у нас такая умница и красавица!

Войдя в ванну я критично осмотрела себя в зеркале:

– Ну, на счет умницы тут уж ничего не скажешь, медаль по окончании школы мне гарантирована. А вот на счет красавицы, это перебор. Средний рост, незавидная худоба (ни одного выдающегося места), короткие каштановые волосы, разве что глаза... Хотя с родителями не поспоришь, их дети для них всегда самые лучшие.

Глава 2

Пока Света принимала душ, родители, все так-же полушепотом, словно боясь, что их кто-то услышит, решали важный вопрос.

– Ох, Вань, я так боюсь, мне кажется, что это письмо таит в себе какую-то опасность. Как отреагирует Света? Это разбередит ее чувствительную душу.-

– А мне кажется, ты напрасно переживаешь. Во-первых: у нас нет выбора. Мы обещали Кристине, что передадим это письмо в день 18-летия Светы. Во-вторых: Света знает, что мы её приемные родители и что мы очень любим её, для нас она родная и я уверен, что это никак не повлияет на наши отношения. В-третьих: чтобы не случилось, мы всегда будем любить её и всегда будем рядом, ведь так, родная? – и Иван Федорович обнял свою жену. – А когда лучше отдать Свете письмо? – спросила жена.

– Я думаю, лучше вечером, когда гости разойдутся и у неё будет возможность побыть одной.

– Хорошо, так и сделаем. – и Надежда Михайловна убрала пожелтевший конверт в тайное место.

Глава 3

Вечером, за большим и дружным столом собрались друзья и родственники, чтобы поздравить меня с ответственной датой. Было весело и шумно, а моя комната была заполнена подарками и цветами. Звучали искренние и добрые пожелания, напутствия и поздравления. В разгар веселья раздался телефонный звонок, и, я, взяв трубку, запрыгала от радости:

– Андрюшка, привет! Спасибо брат! Когда тебя ждать? Билеты уже купили? Вот здорово! Жаль, что сегодня тебя нет с нами, но когда приедешь, мы сразу все и отпразднуем, и твоё возвращение из рядов Российской армии, и сдачу Пашкиной сессии, и мой диплом! Смотри нигде там не задерживайся! Мы очень соскучились! – и я передала трубку маме.

Мне было интересно, почему родители не спешат с подарком? И только я успела об этом подумать, как папа, словно фокусник, достал конверт перевязанный большим упаковочным синим бантом и протянул мне:

– Доченька, это от нас с мамой и твоих братьев! Надеемся, что этот день запомнится тебе! – и он протянул мне подарок.

Все с нетерпением ожидали, что же подарили мне родители, и только Паша весело улыбался, предвкушая мою реакцию.

Я открыла конверт, и моему счастью не было предела. Я подскочила к родителям и, крепко обняв, расцеловала их. Полет на самолете с инструктором, плюс видео-съемка – это то, о чем я мечтала!

Тяга к полетам у меня была с самого детства. Не знаю откуда во мне это желание летать, но я точно знаю, что обязательно с Божьей помощью смогу осуществить свою мечту и поступить в Санкт-Петербургский университет гражданской авиации. В четырнадцать лет я сделала свой первый прыжок с парашютом и поняла, что небо – мой дом. Парить в вышине, ощущая себя безгранично свободной, наслаждаться потоками воздуха скользящими по телу и прекрасными пейзажами находящимися внизу. Трудно передать словами всю гамму чувств которая охватывает во время полета, но можете поверить мне – это прекрасно и незабываемо! Конечно, мои близкие знают о моем увлечении и каждый праздник для меня ожидание чуда. Ну, разве не чудо получить в подарок возможность оказаться в небе? По этому на моем счету более десятка прыжков с парашютом, а с пятнадцати лет к ним добавились полеты на параплане. Моей заветной мечтой было оказаться в кабине самолета и хоть немного попробовать себя в качестве пилота! Всю теорию о воздушных судах и их устройстве которую смогла раздобыть, я знала практически на зубок, но вот возможность осуществить полет в кабине воздушного судна – это была моя мечта и вот, наконец она осуществится. Мои братья смеются и говорят, что их сестра птица, а я думаю, что что-то в этом есть!

Глава 4

После ухода гостей я хотела помочь маме убрать со стола, но папа настоял, чтобы мы с Пашей шли отдыхать:

– Я сам помогу маме! – решительно заявил он. Паше нужно выспаться, он всегда перед экзаменами плохо спит.

– С чего это ты, пап, взял? – запротестовал Павел, – я прекрасно выспался.

– Ну, что ж, сынок, мы с мамой очень рады, что ты успешно сдаешь сессию, а то, что ты спишь сном праведника для нас вообще счастье! – и родители переглянулись, улыбаясь друг другу.

– И ты, дочка, иди отдыхай, мы с мамой справимся, и выбери дату полета, её нужно будет сообщить заранее.

Пожав плечами, мы с Пашкой разошлись по своим комнатам.

Я направилась к подаркам, которые не успела распечатать в процессе дарения. Собственно, самый желанный из них лежал в надежном месте и ждал своего часа, а то, что осталось нераспечатанным не представляло для меня большой ценности.

Не прошло и пяти минут, как в мою дверь постучали. Вошли родители. Они были слегка взволнованы и папа держал в руках еще один конверт.

– Вот Светлана, это тебе, – и он протянул пожелтевший от времени четырехугольник, – этот подарок нас просила передать в день твоего восемнадцатилетия твоя мама Кристина. Мы не знаем, что там внутри, должно быть письмо. —

Было заметно, что родители очень волнуются. Я молча взяла подарок и какое-то непонятное чувство овладело мной.

– Тебе нужно побыть одной, – сказала мама, – и они вышли из комнаты.

Я какое-то время держала конверт в руках, разглядывая со всех сторон и боясь открыть его.

– Он практически мой ровесник, – решила я, – ведь когда мама умерла, мне не было еще и года. Странное чувство нарастало. Каково получать подарок от человека, хоть и очень близкого, но который давно уже перешел в вечность, которого совсем не помнишь и не можешь вспомнить чувств когда – то испытываемых и давно забытых.

Конверт был совсем простой, без марки. Единственная надпись сделанная ровным аккуратным почерком подтверждала его назначение: «моей любимой доченьке Светлане в день её 18-летия». Я набралась смелости и у самого края сделала надрез ножницами. Присев на диван, и, поборов в себе непонятное чувство, я достала содержимое. Это был двойной тетрадный лист в клетку аккуратно свернутый вчетверо, внутри которого лежала фотография и маленький, скорее всего, серебряный крестик на толстой белой нити. Я сразу же надела его.

– Мама... Это моя мама! – дрожащими пальцами я провела по изображению, с которого на меня смотрела совсем молодая женщина. Ее изможденный и усталый вид красноречиво говорил о тяжелой борьбе с двумя смертельными болезнями: туберкулезом и лейкемией, но глаза... Глаза сияли какой-то внутренней радостью. Мы были очень похожи, те же черты лица, тот же цвет волос и глаз, даже короткая стрижка... На глаза навернулись слезы.

– Мама, Мама... – Мои приемные родители никогда не скрывали от меня, что я не родной по крови ребенок. Я с раннего детства знала, что у меня была любимая мамочка которая заболела и Иисус забрал ее к себе на небо. В семье, где я росла все относились ко мне с особой нежностью и любовью и родители, и старшие братья, так что я чувствовала себя родным ребенком, тем более, что свою биологическую маму совсем не помнила. Признаюсь, я не часто вспоминала о ней, так как память стерла родной образ и не за что было зацепиться в воспоминаниях, чтобы вернуться в прошлое.

Я развернула письмо: « Дорогая доченька, ты спишь в кроватке, а я пишу тебе это письмо, зная, что вскоре нам предстоит разлучиться надолго, но не навсегда, и эта надежда греет меня и успокаивает.

Светлана, ты наверное совсем не помнишь меня и глядя на эту фотографию видишь незнакомую женщину, но знай, что я твоя мама и очень люблю тебя. Ты единственный лучик счастья в моей жизни, подаренный мне Богом, моя родная кровиночка. Я очень люблю тебя.

Так случилось, что моя мама, по непонятным для меня причинам, оставила меня в роддоме сразу после рождения. Я никогда её не видела. Рассказывать о жизни в детском доме нет смысла, одиночество, жестокость и боль – вот мои постоянные спутники. Если бы ты только знала, как мне хотелось любви и материнской ласки...

В 16 лет, поступив в колледж и вступив во взрослую жизнь я все так же мечтала о любви, нежности и семье. Не подумай, дочка, что я легкомысленная, к выбору спутника жизни я старалась подойти ответственно, но, как говорится, сердцу не прикажешь и меня закружило в водовороте неизведанных чувств от которых хоть и не надолго, но выросли крылья. Михаил, твой папа, был сначала очень заботливым, но когда узнал, что я жду ребенка стал настаивать на аборте, чего я себе позволить не могла. Он бросил нас. Ну, Бог ему судья. Не буду рассказывать, как мне было нелегко. Пришлось бросить колледж и устроиться на работу. Денег не хватало, но я все равно была счастлива, ведь под сердцем подрастал дорогой и любимый мне человечек – ты! Я долго не вставала на учет по беременности, но на позднем сроке стала очень плохо себя чувствовать, а когда сдала анализы, оказалось, что у меня лейкемия. Это известие сразило меня. Я не знаю, как мне удалось выносить и родить тебя, все говорили, что это чудо! И это действительно так.

В роддоме я познакомилась с одной старой санитаркой – Натальей Николаевной. Она была очень доброй женщиной и заботилась о нас, а после выписки продолжала навещать меня и познакомила меня с Иисусом Христом, в которого она верила. Сначала я не принимала Его, обижалась. Мне казалось несправедливым то, что от меня отказались родители, я отказывалась верить в то, что смертельно больна имея на руках маленькую кроху о которой никто кроме меня не позаботится. Бог мне казался жестоким и несправедливым, ведь я видела вокруг себя множество таких же как и я молодых девчонок здоровых и счастливых. Почему? Ну, почему ко мне судьба так несправедлива? – терзал меня этот вопрос.

Ко мне стали приходить верующие люди из церкви куда ходила Наталья Николаевна. Они, вопреки моему тяжелому настроению, окружили меня заботой и любовью, и мое сердце понемногу оттаяло. Я увидела их искренность и неподдельное участие в моей судьбе. И когда я поняла, что у меня появилась самая настоящая любящая семья которую дал мне Бог, то приняла Его в свое сердце, покаялась и приняла крещение. Времени было мало, здоровье резко ухудшалось. К тому же после родов, сделав снимок легких, обнаружили очаги туберкулеза. Я так плакала, что не смогу кормить тебя грудью, но прижимать тебя, мое маленькое сокровище, и иметь радость быть мамой – это самое большое счастье в моей жизни.»

Не могу передать те чувства, которые охватили меня. Слезы горячими беззвучными потоками текли по щекам. Сколько ей пришлось пережить, трудно было представить. Кристина умерла не дожив месяца до своего двадцатилетнего юбилея. Она была чуть старше меня и ей пришлось пережить столько лишений и бед. Я вообще не представляю, как она смогла пройти через все это и обрести живую веру в Бога. Я стала читать дальше. Было заметно, что мама тоже прерывалась. Следующий абзац был написан другой ручкой, о чем свидетельствовал другой оттенок стержня.

– «Мне так много хочется тебе сказать, но быстро слабеют силы. Еще я благодарна Богу, что Он утешил меня о тебе. После того, как я уйду в вечность, тебя удочерят замечательные люди – Иван и Надежда. Ты уже привыкла к ним, потому что они проводят много времени с тобой и меня очень радует, что именно в их семье ты будешь расти.

Еще, доченька, решусь рассказать тебе (долго думала, стоит ли это делать) о нашей родной семье. Не за долго до родов, я встретила одну женщину из детского дома где воспитывалась. Оказалось, что она лично знакома с моей мамой, так как они земляки. Не знаю, что толкнуло ее рассказать мне о них, ведь она могла сделать это и раньше, ну, да ладно, хорошо, что она все таки решилась на это. Если бы обстоятельства сложились по другому, то я, конечно, попыталась бы найти своих родных сама. Но, к сожалению, я вряд ли их увижу. Как оказалось, у меня есть мама Люба и бабушка Поля и живут они в маленьком поселке под Светогорском где-то на севере области. Точного адреса она мне не дала, но сказала, что их там все знают. Я бы очень хотела их увидеть и спросить, почему они отказались от меня? Но мне задать им этот вопрос уже не суждено. Возможно, ты захочешь разыскать их, все-таки родная кровь...

Доченька, как я благодарна Богу, что Он мне подарил, хоть и совсем ненадолго, тебя! Я так счастлива, держа тебя на руках, прижимая к себе! А когда ты впервые улыбнулась, это был просто праздник для меня. Я очень тебя люблю, помни об этом.

Теперь мне спокойно, я примирилась с Богом и знаю, что Он и о тебе позаботится. Не плачь обо мне, родная, все хорошо...

А теперь хочу поздравить тебя с днем Рождения и пожелать тебе, мое сокровище, ясных светлых дней в окружении тех, кто любит тебя! Хорошего настроения и добрых друзей! Чтобы сбывались твои мечты и ты не забывала благодарить за это Бога! Надеюсь, что Иисус стал твоим другом? Сейчас я молюсь об этом, очень хочу чтобы ты с детства знала Его. Я очень жалею, что не познакомилась с Ним раньше, возможно, все было бы иначе...

Светланка, ты самое дорогое, что есть у меня в этой жизни! Люблю тебя! Твоя мама»

Я положила письмо рядом, уткнулась лицом в колени и дала волю слезам. Было над чем подумать...

– Мама, как мне жаль, что все так получилось. Я даже не помню тебя, совсем не помню. И от этого мне как-то не по себе. Сколько тебе пришлось пережить, мне даже трудно представить! – я глядела на ее уставшее лицо и оно становилось для меня все роднее.

– Иисус, передай маме спасибо за подарок, – и я погладила маленький крестик, который висел у меня на шее, – и еще, скажи, пожалуйста, что я очень ее люблю.

Я долго не могла заснуть, не зная, что эта светлая печаль поможет мне увидеть все в ином свете. С утра я и не предполагала, что мне придется держать в руках подарок от мамы, давно оставившей материальный мир. Я не могу сказать, что мне ее не хватало, ведь новая семья стала для меня родной, да и я была на столько мала, что совсем не помнила её. Но, с другой стороны, мне было очень приятно осознавать, что спустя семнадцать лет после нашей разлуки, любовь Кристины все так же согревает меня.

Глава 5

Я ещё раз перечитала письмо. Интересно, оказывается у меня где-то есть родственники. Наверное мама хотела чтобы я отыскала их, иначе она не стала бы упоминать их в письме. Светогорск... Это где-то на севере Ленинградской области. Я что-то слышала об этом городке, но вот что, уже не помню.

Быстро открыв ноутбук я набрала в поисковике нужную информацию. Светогорск оказался небольшим пограничным городком. Начав свою историю в конце 19-века на территории Финляндии он начал бурно развиваться за счет запуска древесно-массового завод на берегу реки Вуоксы. И городок тогда носил совсем другое, финское название – Энсо, что означает – «первенец».

В 1940 году после войны с финнами большая территория была передана СССР, в том числе и Энсо.

В 1949 году посёлок был переименован в город Светогорск из-за находящейся гидроэлектростанции, дающей свет.

Посмотрев фотографии, я сделала вывод, что в целом, это ничем не примечательный городок, таких множество по всей России. Единственное, как мне показалось, чем он знаменит, это всем известная офисная бумага «SvetoCopy», которую производят на предприятии, которое когда-то дало жизнь финскому городку Энсо.

Поселок, в который мне нужно было попасть располагался северо-восточнее Светогорска, я с трудом нашла его. Но чем больше я думала о маме и о неизвестных родственниках, меня все больше тянуло в это незнакомое место. Если семнадцать лет назад были живы моя бабушка и прабабушка, то сейчас, скорее всего, последней уже нет в живых. Нужно попытаться отыскать хотя бы бабу Любу и узнать, почему она оставила маму в роддоме.

Расстояние от Питера до Светогорска было незначительным, всего 186 километров. Можно легко добраться на автобусе. Завернувшись в одеяло и облокотившись на подушку я задумалась... и заснула.

Глава 6

Воскресное утро выдалось дождливым. Как обычно, мы всей семьей собирались в церковь, но меня не покидали мысли о поездке в глухую деревню на поиски родни.

Весь день я была замкнута и неразговорчива, и, морозящий за окном дождь, отражал мою печаль. Я все никак не могла понять, что же может заставить женщину отказаться от своего ребенка, что? И никак не могла найти хоть какой-то косвенно оправдывающий поступок бабы Любы ответ. Я начала злиться на этих горе-родственников, что они могли спокойно жить зная, что где-то там, в пределе досягаемости живет и бьется родное сердце, мечтая, больше всего на свете, оказаться в их любящих объятиях. И если бы они захотели, то смогли бы найти Кристину, и ей было бы не так сложно вынести все горести и болезни, если бы рядом были любящие люди.

Вечером папа не выдержал и поинтересовался:

– Дочка, что-то произошло? Ты какая-то печальная! —

– Все хорошо, пап, просто мне немного грустно, – честно призналась я.

– Спасибо, что отдали мне мамино письмо, мне как-то не по себе, что я совсем не помню ее.

– В этом нет ничего плохого, Лучик (так мои близкие иногда называли меня), ведь ты была совсем крохой, когда Кристина умерла. Главное, что она успела примириться с Богом, и это дает нам всем надежду на то, что когда-нибудь в вечности мы обязательно встретимся, – и он обнял меня за плечи. Было видно, что мама очень переживает за меня. Ее я хотела волновать меньше всего, зная о проблемах с сердцем. Я попыталась натянуть улыбку и предложила испечь пирог на ужин. Как мне показалось, все вздохнули с облегчением.

Замешивая тесто и готовя начинку, я все никак не могла избавиться от навязчивой идеи поехать на поиск родственников. Обдумывая все возможные варианты, я пришла к мысли, что впереди у меня как раз свободная неделя перед выпускным и я вполне могла бы разыскать их. И чем больше я думала об этом, тем больше меня захватывала эта идея, словно кто-то невидимый упорно убеждал меня в этом.

После ужина я сообщила о своем намерении родителям и Паше. Как я и предполагала, их эта затея насторожила и обеспокоила.

– Да, ладно, Свет, к чему такая спешка, давай дождемся Андрюху, я как раз сдам сессию, а ты документы и поедem на поиск твоей родни, – предложил брат.

– Действительно, дочка, не нужно торопиться, и к тому же мы будем волноваться, отпуская тебя одну так далеко. Было заметно как волнуются родители, но меня так зацепила эта идея, казалось, что я ни о чем другом думать не могу.

– Мамуля, не забывай, что я уже совсем большая, мне 18. Светогорск совсем недалеко, каких-то 200 километров, и к тому же у нас есть телефон и интернет, я буду постоянно на связи и вы не успеете соскучиться, как я уже вернусь. Ну, пожалуйста, мне очень нужно их разыскать и во всем разобраться. Понимаете? – и я умоляющим взглядом обвела моих близких.

Первым сдался папа. Он всегда поддерживал наши самые безумные идеи, даже когда мы с братьями запланировали сумасшедшую идею прыжка мамы с парашютом, он, как ни странно, поддержал нас.

– Надюша, девочка действительно выросла, и мы не должны забывать, что если нет рядом нас, то ее Небесный Отец всегда рядом! Так ведь? – и он подмигнул мне. Мама с Пашей пожали плечами, папа всегда находил такие аргументы, что с ними трудно было поспорить.

Все решилось, и я побежала собирать рюкзак.

Глава 7

Ровно в полдень я села в автобус на северном автовокзале в Мурино и закрыла глаза:

– Господи, что я делаю? Может быть мне не нужно никуда ехать? Если даже я найду эту бабушку Любу, что я ей скажу? – какая-то тревога вновь охватила меня.

– Господи, сохрани меня в этой поездке и будь со мной, признаюсь Тебе, что я немного боюсь, – кратко помолилась я.

Оставшись наедине с собой, я предалась воспоминаниям. Вот, я маленькая девочка, совсем кроха, и всегда со мной рядом мама, папа и мои братья Паша и Андрей. Разница в возрасте у нас совсем небольшая, и я всегда удивлялась, как у родителей хватало терпения сносить все наши шалости. Хотя иногда, все же нам попадало.

В детстве я была очень болезненным ребенком, и это не удивительно, ведь меня выносила и чудом родила женщина, с двумя неизлечимыми болезнями. Это большое чудо! И все врачи говорили об этом. Родители приложили много молитв и сил, чтобы я окрепла.

Сколько помню себя, все время мне нужно было делать то, что делали братья. Они в бассейн, и я за ними, они прыгают с вышки, и я за ними, они встали на лыжи, я следом, они в секцию рукопашного боя, я с ними. Папа уговорил тренера, и он сделал исключение из правил, взяв меня, надеясь, что мне быстро надоест. Но я ходила ровно столько, сколько Андрей с Пашей, целых два года. Когда же я пошла в парашютный клуб и полеты захватили меня, братья смеялись, но попробовав, то же полюбили небо.

У нас была очень дружная и любящая семья. Родительской любви хватало на всех, и мы росли дружными, забота друг о друге стала для нас нормой. Глядя на окружающих меня детей, которые в большинстве своем росли в неполных или неблагополучных семьях я осознавала, что все хорошее, что есть в нашей семье созидает Бог, в которого мы верим.

Ходить в церковь по воскресеньям было для меня непреложным правилом, таким же естественным, как утренний туалет. Там у меня были друзья, общие интересы и даже небольшое служение. И вот, в моей жизни появились новые родственники которых я совсем не знаю и которые даже не догадываются о моем существовании. Кто они? И для чего я пытаюсь разыскать их? Нужна ли им я или они не захотят знать меня так же, как и мою маму?

Я любила путешествовать, но эта поездка была особенной, мне до конца была не ясна цель и я не знала, что ждет меня впереди. Смутное чувство тревоги не покидало меня.

Небольшой автобус мчал меня куда-то в незнакомые места, я смотрела в окно и пыталась вообразить нашу встречу. Скажу честно, даже в воображении это было не просто. Я попыталась расслабиться и ни о чем не думать. Летние пейзажи отвлекали меня от невеселых мыслей и мне даже удалось немного поспать.

В Светогорск мы прибыли в назначенное время, и я сразу купила билет до нужного мне поселка. Времени до посадки на рейс было около двух часов, и я решила немного прогуляться по городу.

Светогорск, как я и предполагала, оказался небольшим промышленным городком, довольно чистым и уютным. Единственное, что вызывало негатив – это неприятный запах, доносившийся, видимо, с комбината. Побродив по улицам, я зашла в блинную и немного перекусила. Предложенное угощение было вполне съедобным и меня это порадовало. Привыкшая к маминной стряпне, я очень критично относилась к еде в кафе и прочих местах общепита. Обед в блинной был неплох.

Так же, не торопясь, я вернулась к автовокзалу. Посадку уже объявили и я сразу же отправилась к маленькому автобусу. Как оказалось, он ходит в поселок лишь два раза в день, утром и вечером, во время рабочей перевозки. Заняв свое место, я осмотрелась. Было не многолюдно.

Несколько пожилых женщин и два дедушки, эмоционально обсуждавших политику и не обращающих никакого внимания на соседей.

Почти перед самым отправлением в автобус вошла ещё одна бабушка, и, улыбнувшись, поздоровалась со всеми. Мне показалось, что никто не обратил на неё никакого внимания и даже не поздоровался в ответ. Автобус тронулся. Сев рядом со мной, женщина завела разговор.

– Очень жарко сегодня. Дал бы Бог дождь, а то поливать огород у меня уж совсем сил нету. – Я молчала, не зная, что ответить.

– А ты к нам, должно быть в гости едешь? – поинтересовалась она.

– Да, как вам сказать, наверное в гости. Хочу родственников своих разыскать, – я решила перейти сразу к делу и узнать, может быть эта женщина что-нибудь знает о них.

– А кто твои родственники? – поинтересовалась она. Я с детства здесь живу, всех знаю, может подскажу тебе.

– Дело в том, что я недавно узнала, что в вашем поселке у меня есть бабушка Люба и прабабушка Полина. Может быть вы знаете их? – с надеждой поинтересовалась я.

– Поля с Любашей! – закивала головой незнакомка, – конечно, их все знают. Вот только Люба то давно умерла, погибла, а Поля и сейчас здравствует. Вот только как же они тебе родней-то приходятся, вроде не было у них никого, ни детей, ни внуков.

Я опустила голову. Значит, моё предположение оказалось неверным. Жива Поля, а Люба погибла. Мне не очень-то хотелось доверяться незнакомой старушке, но мне повезло, что она знала моих родных. Я отвлеклась от разговора и вдруг поняла, что в салоне царит полнейшая тишина. Все делали вид, что не интересуются нами, но было очевидно, что это не так.

– Я бы не хотела говорить об этом здесь, – шепотом ответила я.

– Понимаю, понимаю... – оглядевшись вокруг, закивала головой старушка.

– А давай, я приглашу тебя в гости, на чай и там мы спокойно поговорим. Я расскажу тебе все, что знаю о твоей родне, если тебе интересно.

– Спасибо, – обрадовалась я, – принимаю приглашение.

– А ты сама-то откуда будешь, из Светогорска что-ли? – поинтересовалась женщина.

– Я из Питера, но о том, что здесь у меня родственники узнала только недавно и решила приехать и разыскать их.

За недолгой беседой я и не заметила, как мы въехали в небольшой поселок. Автобус остановился у местного магазинчика и пассажиры поспешили по домам.

Глава 8

Выйдя из автобуса, я огляделась. Деревня была небольшой и располагалась на узкой равнине. Внизу, у подножья поселения, серебром блестела речка. За деревушкой я разглядела невысокий березняк. Мое внимание привлекла небольшая возвышенность в стороне от деревни, на которой стоял красивый рубленый старый дом. Он особенно выделялся своей ухоженностью и местоположением.

– Ну, пойдём на чай, – вновь пригласила меня женщина, и только сейчас я поняла, что даже не знаю как её зовут.

– А мы ведь с вами даже не познакомились, – всполошилась я. Меня зовут Светлана, а вас как.

– Ой, и правда, доченька! – всплеснула руками старушка. Я вот с тобой заговорила, словно знаю тебя давно, а ведь и впрямь, мы же незнакомы! Меня зовут Мария Антоновна, можно просто – баба Маша.

Когда баба Маша назвала меня доченькой, я вдруг вспомнила, что обещала родителям позвонить как только доберусь и достав телефон набрала номер. Быстро успокоив родных, мы не спеша зашагали к дому бабы Маши, поднимая клубы мелкой желтоватой пыли.

– Я здесь недалеко живу, на соседней улице, – рассказывала мне женщина. А всего в нашей деревне три улицы, правда длинные. Деревня-то наша старая, да вот только совсем заброшенная. Да не это печалит меня, не это... – как -то задумчиво произнесла она.

– А что же вас печалит? – поинтересовалась я.

– А то, доченька, что молодежь спивается, трудиться никто не хочет, Бога не боятся, а бесам кланяются., – выпалила она.

– Как же это? – удивилась я.

– А я тебе сейчас за чаем и расскажу.

Я опять с интересом рассматривала дома стоящие вдоль улицы. Сразу бросалось в глаза, что все постройки были старыми, новых мне не попадалось. Дома, в большинстве своем были деревянные, большие, словно две избы стояли под одной крышей. И в каждом доме в мансарде было окошко, что создавала впечатление, будто дома двухэтажные. Встречались и маленькие избушки. Некоторые из них были ухоженными, с окрашенными рамами и ровными заборами, но таких было единицы. В основном домишки были неказисты, с завалившимися заборами, заросшими полисадниками. Еще меня удивило, что нам почти не встретились дети, хотя время было ещё не позднее.

– Какие у вас дома интересные! Никогда таких не видела! —

– Деревня, то, Света, наша старая очень. Здесь была финская территория. Еще финны строили. А семьи раньше большие были, многодетные, 8—10 детей нормой считалось, не то, что сейчас! Вот и дома просторные делали, что бы не тесниться. Что бы все по уму, все удобно... Её в 1940 году Советский Союз во время Зимней войны к себе присоединил, наверное помнишь, в школе проходили.-

– Но постоянное население здесь только после войны появляться стало в 1945—46 годах. Так и мои родители сюда перебрались новые места осваивать. Война страшная была, людей по всей стране разбросало! Кто из оккупированных территорий уезжал, кто не дожидаясь военных действий подалеже от линии фронта бежал, да и Сталин целые народы с мест насиженных выгонял. Тяжелое время было, да и сейчас непростое.

– Ну, вот и добрались, – и баба Маша открыла калитку и пропустила меня вперед. Навстречу нам выскочил небольшой лохматый пес и завил хвостом.

– Не бойся, проходи, он не тронет. Я зашла в дом и огляделась. Внутри домик оказался намного просторнее, чем был снаружи. Почти посередине стояла большая печь, как бы отделяя

дом на различные зоны: кухню, спальню и гостиную. Обстановка была очень простой, но уютной.

Я поставила свой рюкзак на скамью и села. Баба Маша засуетилась у электроплитки, стоящей на металлической этажерке возле печи.

– Сейчас поужинаем, я вот блинчики с творогом разогрею, чай заварю, мы с тобой и поговорим обо всем. Давно уж у меня гостей-то не было, скучно одной. Вот только Петровна, да Михайловна ко мне и заходят, а точнее, мы друг к другу по очереди в гости ходим, Библию читаем, молимся... – поделилась Мария Антоновна.

– А вы, что же, в Бога верите? – не из праздного любопытства поинтересовалась я. Мне было важно знать, что баба Маша за человек, ведь я вверяла себя по сути чужому.

– А как-же, деточка, в Него не верить? – хлопоча у стола ответила женщина. Верю с самого детства военного, когда Он своей милостью жизнь нам не раз спасал, от голода и холода сберег, отца с фронта возвратил. Нас с детства родители учили во всем Божью руку видеть и благодарить Его. Сейчас -то как молодые живут? Делаю, что хочу, и спроса нет.... И ведь гибнут! Потому, что во тьму шагают, а там во тьме разве угадаешь, где ногу поставить....

Признаюсь, я очень обрадовалась, что Господь вывел меня сразу же к верующему человеку, но с другой стороны, ответ бабы Маши меня немного озадачил. Но я решила обо всем расспросить ее за чаем.

– Мой руки, – женщина махнула на какое-то странное сооружение у входной двери, – и присаживайся к столу. Я подошла поближе и с удивлением обнаружила рукомойник старой конструкции. Он представлял собой как-бы небольшую кастрюльку с крышкой, в дне которой было отверстие с металлическим стержнем. Приподнимая ладонью стержень вверх, из кастрюльки тонкой струйкой текла вода. Если стержень не трогать, то под собственной тяжестью он падает в исходное положение и перекрывает воду, которая стекает в эмалированную раковину под которой стоит ведро. В целом, мне эта конструкция очень понравилась, одно неудобство, постоянно выносить воду приходится.

Я села за стол.

– Давай, для начала я помолюсь, – тоном не терпящим возражений предложила баба Маша и, склонив голову, произнесла краткую молитву: Господи, Отче Милосердный, спасибо Тебе за эту пищу и мою гостью. Благослови наше общение и прибудь с нами. Аминь.

Я присоединилась к старой женщине и мы сели за стол. Разлив по чашкам горячий травяной чай, Мария Антоновна положила мне на тарелочку блины:

– Кушай, не стесняйся. У меня козочка есть, Мартой зовут. Я из её молочка и творог, и сыр, и маслице делаю. А зелень и огурчики с огорода, я тебе потом все покажу.

Глава 9

Какое-то время мы молча кушали, а потом баба Маша спросила:

– А ты кем Поле -то приходишься?

– Правнучкой, – ничего не утаивая ответила я.

– Никак в ум не возьму, как правнучкой? Получается у Любы ребенок был?

– Да, она моя бабушка, только маму мою после родов в роддоме оставила. По этому о ней никто и не знал.

– А что ж, ты одна-то приехала, без мамы? Вдвоем бы вам веселее было? – опять поинтересовалась баба Маша. Дело-то ведь у вас тут непростое.

– Мама умерла 18 лет назад, а меня очень добрые люди удочерили. Мама просила их, чтобы они в день моего 18-летия мне от неё письмо передали, оттуда я и узнала, что у меня здесь родня. Решила их разыскать.

Баба Маша озадаченно покачала головой.

– Да, вот ведь жизнь какая штука непростая, но ты не расстраивайся, Бог рядом! Не оставит! Только тебе с Ним познакомиться надо, без Него здесь не разобраться.

– Так, я вам, Мария Антоновна, не сказала, я ведь тоже в Бога верю, и семья у меня верующая, мы в церковь ходим! – попыталась я обрадовать женщину.

– Ну, поглядим, поглядим... – как-то задумчиво произнесла она и начала свой рассказ:

– Откуда твои родственники приехали – не знаю, знаю только, что

Поля то меня лет на 7—8 старше, значит сейчас ей где-то 80 лет – возраст приличный, хотя, по виду и не скажешь... Ну, мы то знаем, отчего это, – и она задумчиво поглядела в окно.

– Страшное тогда время было, страшное! Вам, нынешней-то молодежи, теперь и представить трудно, как в то время нам жить приходилось. Разруха, голод, нищета! Но, Победа, она перекрывала все тяготы жизни и казалось, что вот-вот настанет то «светлое будущее» которое нам так давно обещала власть.

– На финскую территорию, которая отошла стране перед самой войной съезжались люди из разных мест. Моя семья до войны жила в небольшом поселке под Сталинградом. Нас было четверо ребятишек, когда папа ушел на фронт. Я была младшей, мне тогда было пять лет. Немцы подходили к городу и нас, как и многих других, отправили в тыл. Помню, мы долго добирались. Стояла осень и все утопало в ярких красках, и, не смотря на нависшую угрозу я по-детски радовалась жизни. Мы попали в Кировскую область. Мама сразу начала работать на швейной фабрике, там отшивали для Красной Армии полушубки, шапки, рукавицы. Со мной и двумя братьями постарше сидела Аленка, наша старшая сестра. Мы жили в крохотной комнатке на подселении и помогали в летнее время одной одинокой старушке по хозяйству и в огороде, а она делилась с нами овощами и ягодами. Так мы войну и пережили.

– Забыла сказать тебе, Света, что семья моя была верующей. Папу Господь сохранил, он вернулся с войны живым и невредимым чему мы все были рады и всегда благодарили за это Бога. Время тогда было сложным, за веру очень сильно притесняли и до войны несколько братьев из нашего поселка, в котором мы жили, попали в тюрьму. Да и от самого поселка ничего не осталось. Вот и предложил нам папа переехать на север и там заново хозяйство наладить, люди говорили, что на новых землях спокойнее живется. Так мы и попали сюда.

Первые годы после войны очень голодно было, люди в поисках хорошей жизни с места на место перебирались, южнее. А мы сюда, на север. Лес многих кормил: ягоды, грибы, рыба в озерах да реках. Стали к мирной жизни возвращаться, хозяйство поднимать, дома восстанавливать. В поселке-то нашем после войны финны дома побросали, вот в них многие и заселились, а уж потом и свои избы ставить начали. Жили дружно тогда, друг другу помогали. Мужиков-то война покосила, мужские руки очень ценились.

К моменту нашего приезда здесь уже жили некоторые семьи и твоя прабабка с её мамой тоже. Люди тогда были дружные, друг другу помогали, а как же иначе? Последним куском делились, дрова-хворост вместе собирали, одним словом и труд и отдых дружный был. А вот Поля с мамой как-то сразу обособились, замкнутые были, недоверчивые. Ну, кто знает, как их жизнь закрутила? Никто их не осуждал, а потом и с расспросами приставать перестали.

К мирной жизни понемногу возвращались, и вот случай какой однажды произошел. Деревня-то наша – окрест одни болота, вот и решила власть у нас ферму большую выстроить, коров да кур разводить. Мужиков своих мало было и нам на подмогу командировочных направлять начали из других областей. Кто с семьями перебирался, кто один. И вот коровник уже почти готов был, крышу крыли, и один парень потянулся за инструментом да и упал вниз. Что делать? Доктора далеко, а он лежит без сознания. Тут Поля работала неподалеку, да и говорит, несите его мол к нам, мама подлечит. Мужики его на плащ положили, да к ним в дом отнесли. Раны у него большой хоть и не было, так царапина, а идти сам не мог. Ну, мы тогда все решили, что мама у Поли раньше в больнице работала, раз лечить умеет.

Прошло несколько дней и тот парень на работу вышел. Работает, как ни в чем не бывало, даже к прежней работе с кровлей рвется. Бабы народ любопытный, давай его выпрашивать, как тебя бабка-то лечила, он и рассказал. Травки, говорит, разные заваривала, компрессы да настои делала, а все больше свечку зажжет и что-то шепчет, молитвы должно быть.

Вот с тех пор, как кто в деревне заболел или скотина у кого сляжет все к ней обращались, и случая не было, что бы кому-нибудь она не помогла. Об одном просила, никому не говорить. А народ-то у нас какой, сама знаешь...

А с парнем тем, «летуном», у Полины роман завязался. Борисом его звали. Да что и говорить, высокий, красивый, волосы как смоль, а глаза синие-синие... Красавец одним словом! После войны все парни нарасхват, а красавцы тем более. В деревне, знаешь наверное, все на виду.

Как ферму достроили, он уехал, а через некоторое время вернулся и свадьбу они сыграли. Видела дом, который особняком на пригорке стоит? – поинтересовалась Мария Антоновна, и я закивала головой.

– Так вот, дом этот Борис строил, стало быть, прадед твой. Мастеруший был, ничего не скажешь, да только на свою беду он в нашу деревню приехал. Дом построили, дочка у них с Полиной родилась – Любушка, а только стали замечать, что Борис невеселый какой-то ходит, задумчивый. Они вместе с Полиной на ферме работали, а с Любой бабка сидела, раньше детских садов не было. Прожили они совсем немного, Любе годков пять-шесть было и Борис повесился. Вот, беда-то какая. Никто понять не мог в чем дело, вроде и дом, и хозяйство, и дитя им Бог дал... Да только потом люди поговаривать стали, что Поля наша его приворожила и от жены увела. Оказалось, он и впрямь женат был, а в город уехал чтобы развестись. Раньше разводы редкостью были, да только видимо силы темные его крепко в оборот взяли, так, что он обратно вернулся и женился. Без Божьей защиты человеку никак, а советские люди на атеизме взращенные разве могли к Богу обратиться? Бога и его людей гнали, а нечистые духи, словно сорная трава, везде повывлезали. Жалко парня было, да что поделаешь?

Полина так замуж больше и не вышла. Через некоторое время мать у неё умерла, остались они с Любашей вдвоем. Мать перед смертью ей свои знания передала и Полина стала так же как и мать, людей да скотину лечить. Только у Поли эта неведомая сила больше была. Могла она о людях по фотографии все рассказать, прошлое – будущее видеть, порчу навести. Стали её наши побаиваться, хоть и не часто она это делала. Да только что про неё худое скажет, так у того беда какая-нибудь случается. Люди это явно заметили.

В семидесятых ей проще стало. Верующих власть притесняла, выселяла, агитировали против население, высмеивали, даже в тюрьмы сажали, а на таких как Полина, словно сквозь пальцы смотрели.

В то время у нас в деревне церковь небольшая собиралась, человек десять. Кто-то как и мы, от гонений бежали, некоторые уже здесь от проповеди покаялись. Председатель у нас хороший был, всю войну прошел, руку левую потерял, вроде идейный коммунист, но человек добрый и великодушный. Хоть и знал, что мы собираемся, а властям не доносил. Мы радовались тому, Бога благодарили, что немного свободней дышать стало.

Верующие люди к Полине за помощью, конечно, не обращались. У нас один Целитель – Господь! Родители нас с детства научили с «темными» силам ни под каким предлогом не связываться. Тело бrenно, рано или поздно, а мир земной покинет, нет смысла ради его здоровья в обход Бога дела решать, душой вечной дьяволу платить. И мы этот урок на всю жизнь запомнили. Да что может враг душ человеческих, если Сам Господь человека хранит? Сколько обетований в Слове Божьем! А ведь если Бог скажет, то кто отменит? Вот ты, коли верующая, скажи мне свои любимые обетования Божии? – спросила меня старушка и я призадумалась.

«... и никто не похитит вас из руки Моей...» – выпалила я, словно на экзамене и обрадовалась, что вспомнила этот отрывок из Библии.

– Хорошо, – закивала баба Маша, – а ещё какой-нибудь?

– Ну, ... – начала я, – я так сразу и не вспомню.

– Вот-вот, а в школе как учишься? – поинтересовалась женщина.

– Вообще, я отличница, – скромно склонив голову произнесла я, – в этом году закончила одиннадцать классов.

– Значит память хорошая, раз отличница, выходит самый главный учебник редко читаешь – Слово Божье, а это, девочка моя, плохо. Знаешь, как Библию Апостол Павел называет? —

– Нет, – ответила я сконфузифшись.

Баба Маша встала из-за стола и достала с полки у окна старую, потрепанную Библию. Очень быстро нашла нужный отрывок и прочитала:

«... Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злой и, все преодолев, устоять.»

Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие.»

– Вот видишь? – продолжила она, – Павел Слово Божье называет – меч духовный! Значит это не просто средство защиты, а оружие! Оружие которым можно наносить поражение врагу, это очень важно! В трудную минуту, вспоминая обещания Творца Вселенной, который любит нас нежнее матери, получаешь такой прилив сил и желание бороться с трудностями, искушениями, грехами и злом, что понимаешь, только с Божьей помощью можно все преодолеть.

– Не хочу тебя пугать, Светлана, но тебе здесь это оружие очень пригодится! – Да, – закивала я, – спасибо, что напомнили мне об этом.

Глава 10

За окном смеркалось. Надвигались тучи. Первые струйки дождя застучали по стеклу.

– Спасибо Тебе Господи за дождь! – поклонившись, произнесла старушка, – и хорошо, что в ночь, не быстро просохнет, а землю напитает.

Она, не спрашивая, добавила мне чай и пододвинула варенье, и включив свет, продолжила свой рассказ.

Жили Полина с дочерью хорошо, в достатке. Слава о её возможностях быстро распространялась. Стали к ней люди не только из окрестных деревень приезжать, а даже из самого Ленинграда. Кто продуктами, кто вещами, кто денежкой её благодарили, так что работать ей и некогда стало. Председателю нашему это не нравилось и он ни раз ей это выговаривал. Деревенские его предупреждали, чтобы он не связывался, да только он одно твердил: «Я – коммунист! Ни в Бога, ни в черта не верую!» И вскоре беда с ним приключилась. Очень Василий Петрович рыбачить любил, хоть и одорукий был. Сядет бывало с удочкой, и так ловко у него выходит рыбку удить, что все удивлялись. И рыбачил-то всегда в одном месте, чуть ниже по течению, на виду у всей деревни. Только вот какой случай с ним вышел, пропал наш председатель. Нашли его через несколько дней в заводи у другой деревни, что ниже по течению была. А снасти его рядом на берегу лежали. Что с ним случилось и как он туда попал для многих загадка, только наши-то одно твердили, Полининых это рук дело!

Прислали к нам другого председателя- молодого, здорового. Только не в радость он нам был. Людей ни во что не ставил, работами морил, чтобы план перевыполнить, верующих притеснять начал, в область на нас писал, а вот с Полиной у них дружба была. Она к нему сразу с поклоном, да с подарочками явилась. Да и он потом к ней частенько захаживал, хоть и семейный был.

Люба то же замкнутая была, нелюдимая. Все возле матери. В школе у неё и подруг-то не было. А девка красивая с виду, волос темный, густой, коса ниже пояса, а глаза, как у отца, синие-синие. И тоже всегда грустная ходила. Парни за ней бегали, только Полина всех отвалила, а потом к ней и подходить перестали, мать боялись. Только видимо надоела Любаше такая жизнь и в восьмидесятом году, как раз помню Олимпиада эта в Москве была, уехала Люба от матери в город, вот как.

Что у них случилось, никто не знает, только деревенские поговаривали, что Люба без материнского согласия уехала, по своей воле, стало быть. Полина по началу хмурая ходила, а потом ничего, повеселела. Хоть она с деревенскими не очень и общалась, а слухи ходили разные. Говорили, что Люба в Ленинград подалась, профессию получать.

Прошло немного времени, год или два, и Люба вернулась в деревню. Хорошо я то время помню и её, Любашу. Снова она с матерью жила, да только люди замечать стали, что она выпивать начала, словно горе-печаль унять хотела. Теперь только мне ясно стало, что дочку она родила и в роддоме оставила, а почему она так поступила, один Бог знает! – и баба Маша тяжело вздохнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.